А. И. Гамаюнов

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ ПЕРВОГО УПОМИНАНИЯ ВЕНЕВА

Так случилось, что наиболее раннее из известных упоминаний имени собственного «Венев» («Венева») находится в родословной росписи XVII в. — источнике, подверженном критике[1]. Действительно, в историографии вокруг «легенд» о выездах дворянских родов — а именно таковыми изобилуют росписи — больше скепсиса, чем оптимизма[2]. Этому

[1] Подлинные росписи Вердеревских см.: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 18. Д. 160. Л. 1—6; Д. 161. Л. 1—2 (без начала); росписи Апраксиных см в копиях: Ф. 286 (Герольдмейстерская контора). Оп. 1. Кн. 241а. Л. 167—167 а, 171—174; 177—181, 184 об.

[2] Во многом скепсис определяется авторитетным мнением С. Б. Веселовского: «Пока (в родословных росписях 1686 г. — *А. Г.*) речь шла о лицах, живших в XVI—XVII вв., когда условия службы были хорошо известны служилым людям, а всякая ложь и вымыслы могли быть легко замеченными, еще дело обстояло сносно, но когда дело шло о более раннем времени, то начинались такие фантастические легенды, вранье и путаница, что историку делать с ними нечего <...> Иногда утраченное для потомков прошлое заменялось излюбленными легендами о выездах» (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 18, 19). Вместе с тем, Веселовский считал, что в вопросах достоверности родословных росписей не может быть категорических суждений: «Мы видим здесь и наивное плутовство для возвеличивания своего рода, и досужее чванство, соединенное иногда с большим невежеством, и беспамятность, которой не могли помочь никакие добросовестные усилия восстановить безвозвратно утраченное прошлое. Положение родов,

есть оправдание: источниковая база «легенд» чаще не выдерживает критики. Но, все же, вместо того, чтобы, ссылаясь на авторитеты, безоговорочно отрицать право росписи что-то утверждать, или, напротив, столь же безоговорочно оставлять за ней это право, попробуем войти в заповедник интересующего нас рода.

Родовое предание Апраксиных-Вердеревских-Крюковых знакомит нас с ордынцем Солохмиром, перешедшим на рязанскую службу в 1371 г. Помимо фактологической подоплеки в родословной росписи Вердеревских присутствует ссылка на жалованную грамоту их прародителю[3]. Венева, Вердерев, Веркошь — вот неполный перечень весей, пожалованных Олегом Рязанским Солохмиру. Ссылка на грамоту как бы оптимизирует родовое предание и объясняет происхождение конкретной даты. Но это на первый взгляд. Уже тот факт, что грамота не сохранилась даже в списке, делает невозможной всякую категоричность, и верным было бы признать пусть позднюю, но не вызывающую сомнений, дату. Доля скепсиса возрастет, если вспомнить, что сохранившиеся рязанские грамоты XIV в. не датированы, и едва ли интересующий нас источник был виновником закрепления в росписи «1371 года».

С другой стороны, полемика между краеведами еще не приблизила нас к уверенности в том, что «1371 год» — это творческий порыв Вердеревских-Апраксиных, «выставляющих, — как сказано в одном из обращений в РГАДА, — какую-то позднюю родословную легенду»[4]. Очевидно, чтобы знать — какую именно, необходимо проявить любознательность. Нельзя, например, оставить без внимания объективное тяготение родословных росписей 1686 года к родственным статьям родословных книг раннего периода, их концептуальное единство. Нельзя отнести к разряду поздних родословное древо, составленное еще в XVI в.

Краевед Р. В. Клянин на основе характеристики Разрядной редакции родословцев, данной М. Е. Бычковой в монографии «Родословные книги XVI—XVII вв.»[5], пришел к выводу, что впервые род Вердеревских (Апраксиных) появился в родословных книгах «в самом (? — *А. Г.*) кон-

---

внесенных в Государев родословец или в частные родословцы, было сравнительно легкое: им нужно было восстановить ближайшие три-четыре поколения, чтобы соединиться с предком, записанным в Государеве родословце» (там же. С. 17).

[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 160. Л. 5 об., 6.

[4] Письмо веневского краеведа М. Г. Бороздинского (см.: Архив канцелярии РГАДА. 1992 год. Д. 23. Т. 3. Л. 95, 96.

[5] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 87

це XVI века». Это неверно. В конце XVI в. Разрядная редакция обогащает себя необычной статьей рода Солохмира, что не отрицает возможности наличия этой статьи, пусть традиционной, в других редакциях. Род Солохмира есть почти во всех редакциях, в том числе и в редакциях, близких к Государеву родословцу 1555 г. (в приписных статьях). Удел исследователя — обозначить время «обрастания» той или иной редакции новыми статьями. За этим видится более важная задача — определить время возникновения самих статей. Что же касается Разрядной редакции родословцев, то она примечательна не столько возможностью судить о времени составления необычной статьи, сколь самой необычностью. Надо сказать, что в основном родословные книги характеризует краткая форма статей. Концепция рода, или, как принято говорить, родовое предание — чуть-ли не основное содержание статьи. Родословные книги Разрядной редакции отличаются от прочих тем, что в число их статей попали росписи (конца XVI—начачала XVII в.), близкие по содержательности родословным росписям XVII в. Разрядную редакцию можно связать с началом традиции составления представителями того или иного рода собственной статьи в наиболее полном ее виде. Не исключено, что участием в составлении подробной родословной двигала заинтересованность, сравнимая с той, которую испытывали дворяне при составлении родословных росписей 1686 г.

Род Солохмира в краткой форме представлен десятью списками двух типов (редакций). Статьи первого типа наряду с Солохмиром называют его брата (имя при этом не указано)[6], убитого татарами на поле, но ничего не говорят о вотчинах, пожалованных Солохмиру Олегом Рязанским (шесть списков)[7]; статьи второго — умалчивают о брате и имеют обык-

---

[6] «Род Хитрых. К великому князю Ольгу Ярославичю Резанскому выехали из Болшие Орды два брата родные болшой Едуган Силной Хитр, от него пошли Хитрые, а меншой Едуганов брат Саломир, и от него пошли иные роды...» (Из копии родословной росписи 1686 г.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 241а. Л. 148); «В последней половине XIV столетия выехали из Большой Орды к великому князю Рязанскому Олегу Ивановичу (1350—1402) два родных брата: Едуган Сильно Хитр, родоначальник рода Хитрово, и Салахмир, родоначальник родов Крюковых, Шишкиных, Вердеревских, Дувановых, Ратаевых, Кончеевых, Базаровых, Пороватых, Апраксиных и Ханыковых» (Родословная книга рода Хитрово. СПб., 1866. С. 1).

7 Принятые обозначения списков родословных книг даются по мографии М. Е. Бычковой «Родословные книги XVI—XVII вв.». Списки XVII в.: 1) А. Ф. Малиновского — РГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД). № 85. Л. 173; 2) Оболенский II — РГАДА. Ф. 201 (Рукописное собрание М. А. Оболенского). № 82. Л. 165; 3) Архивский IV —

новение ссылаться на Елизаровский и Скорописный летописцы, в которых можно почерпнуть дополнительную информацию о представителях рода, и авторитет которых был, очевидно, высок (четыре списка)[8].

Н. П. Лихачев в книге «Разрядные дьяки XVI в.» называет Елизаровский летописец «древнейшей перечневой разрядной книгой», начатой составлением при думном дьяке Иване Цыплятеве (1549—1550 гг.; в документах: «дьяк Иван Елизаров») и с 1553 г. писанной разрядным дьяком Иваном Юрьевым. «Вспомним <...> те приписи частных родословных книг, — писал историк, — в которых подлинные государев родословец (1555 г. — *А. Г.*) и государева разрядная [книга] называются Елизаровскими». По мнению Лихачева Государев родословец 1555 г. восходит к «перечневой разрядной книге» и по-прежнему связан с именем Ивана Елизарова (думный дьяк в 1555—1556 гг.)[9]. Едва ли права М. Е. Бычкова, относя Езизаровский летописец ко времени, когда Разрядный приказ возглавлял отец Ивана Елизарова думный дьяк Елизар Иванович Цыплятев (1535—1537 гг.)[10]. 30-е гг. XVI в. выходят за временные рамки известных ныне редакций родословных книг.

Важно подметить, что статья рода Солохмира, не вошедшая в Государев родословец 1555 г. (43 статьи) и, как следствие, в Бархатную книгу, корнями уходит в «Елизаровский летописец» — предтечу родословца. Можно предположить, что род Солохмира оставила за скобками родословца редакционная работа. Существование статьи этого рода в середине XVI в. вполне реально[11].

Вернемся к спискам родословных книг. Статьи второго типа краткой формы ближе статье Разрядной редакции уже тем, что и там — и там есть перечень объектов, пожалованных Солохмиру в вотчину (Венева, Ростовец, Веркош, Михайлово Поле, Вердерев, Безпуцкой стан). Родословная роспись конца XVI века (два списка)[12] впервые делит эти объекты среди

РГАДА. Ф. 181. № 76. Л. 297; Списки XVIII в.: 4) Архивский V — РГАДА. Ф. 181. № 282. Л. 169; 5) Архивский VI — Там же. № 362. С. 163, 164; 6) Архивский VII — Там же. № 1139. Л. 65.

8 Списки XVII в.: 1) Архивский II — РГАДА. Ф. 181. № 84. Л. 402 об.—403 об.; 2) Архивский III — Там же. № 174. Л. 105; 3) Оболенских — Там же. № 592. Л. 240—241; 4) Оболенский I — Ф. 201. № 83. Л. 236 об., 237 (нет фразы: «И то писано у государя в Большом в Елизаровском и в Скорописном»).

9 *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 414, 415.

10 *Бычкова М. Е.* Родословные книги... С. 105.

11 Об этом см.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев... С. 9—11.

12 Списки XVII в.: 1) Архивский X — РГАДА. Ф. 181. № 184. Л. 230—237; 2) Оболенский III — РГАДА. Ф. 201. № 84. Л. 207—214.

потомков Солохмира. Отсюда — важный фактологический ряд, не до конца известный родословным росписям XVII в.: «А Григорей сидел в Вердереве, и по вотчине стали слыть Вердеревские, а за Кончеем была вотчина Безпуцкой стан да Михайлово Поле, а у Обосмала (Обумайло) сын Григорей Шышка, а был у великого князя боярин, и жыл в вотчине своей в Веневе до смерти своея, и лег в Веневе, и з женою своею. А у Григорья [сын]... Большой Тимофей Крюк, был у великого князя конюшей, и был за ним Ростислав в путь, и на бою его ранили татарове, и он постригся, да от тех ран и умер, и лег в Ростиславле... А у Тимофея у Григорьевича у Крюка [сын] Михайло, отъехал к великому князю Ивану Васильевичу на Москву, покиня свою Веневу, да Веркошу и Ростовец. И князь великий противу того дал ему Звенигород, да в Олексине поместье великое, и в Торусе, да на Коломне. И в воеводах Михайло бывал в Болшом Розряде. И те розряды написаны в сем же летописце, и у государя в летописцах в Елизаровском и в Скорописном есть же»[13].

Акцент, сделанный на вотчине Крюковых, не случаен. По сути, статья рода Солохмира Разрядной редакции есть ни что иное как родословная роспись Крюковых конца XVI в. (Вердеревские представлены без «служб» в конце статьи). То обстоятельство, что Венева — за Крюковыми, поставило автора этих строк перед необходимостью поиска неизвестной в историографии родословной росписи Крюковых 1686 г. Поиск увенчался успехом, однако в обнаруженном документе тема вотчины Солохмира развития не получила[14].

Здесь мы подходим к проблеме взаимосвязи родословных росписей 1686 г. и родословных книг. Совершенно очевидно, что родовое предание Вердеревских-Апраксиных-Крюковых не появилось на скорую руку в 1686 г. Родословные росписи — три Апраксиных, две Вердеревских, одна Крюковых — связаны единством концепции рода, уходящей в недра XVI в.[15] Начиная с Солохмира, каждая из росписей разматывает клубок своего рода, исподволь отвлекаясь на родственные. Если в одной росписи Апраксиных при упоминании родоначальника Вердеревских — Григория Григорьевича — говорится: «А роду своему подлинную роспись подадут сами»[16], то другая в характеристике родственных родов отличается большей щедростью: «От Григорья Ивановича Солохмирова (сына Со-

[13] РГАДА. Ф. 181. № 184. Л. 230—231 об.
[14] РГАДА. Ф. 394 (Канцелярия московских герольдмейстерских дел). Кн. 267. Л. 344—347.
[15] См. примечания 1 и 14.
[16] РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 241а. Л. 177.

лохмира — *А. Г.*) дети: Михайло прозвище Обумайло, был у великого князя боярин; вотчина ево была Венева, да Растовец, да Веркошь; у Михайла сын Григорей Шишка, у Григорья у Шишки сын Тимофей Крюк, от него повелись Крюковы»[17]. Таким образом, наследство Солохмира, с особой тщательностью поделенное в статье Разрядной редакции (родословная Крюковых конца XVI века), в тех же «кусках» дается в одной из родословных росписей 1686 г. рода Апраксиных[18].

Среди представителей Солохмирова гнезда фаворитами, особенно заботившимися о правдоподобности концепции рода, выступают Вердеревские. Иван Вердеревский «с сродственники» сопроводил родословную роспись копиями грамот XV—XVI вв., взяв на себя обязательство стряхнуть с образа Солохмира налет «преданий старины глубокой»[19]. Насколько ему это удалось, можно судить лишь непосредственно решая проблемы подлинности, достоверности и информативности приводимых источников. Ни Крюковы, ни Апраксины фактологизацией деяний своего «прародителя» не занимались. Но, если учесть, что составленная с особым пристрастием родословная роспись Вердеревских обходит молчанием наследство Апраксиных (Безпуцкой стан, Михайлово Поле) и Крюковых (Венева, Ростовец, Веркош), то становится очевидным, что «муки творчества» посетили самих Апраксиных: статья Разрядной редакции (роспись Крюковых конца XVI в.) использована ими без посредников. Сказанное приводит к пониманию, что, с одной стороны, в работе над родословной могли быть приоритеты (Вердеревские), материализующиеся в определенный стандарт, с другой, росписи не составлялись под копирку.

Родословные росписи имеют обыкновение ссылаться на копии грамот, помещенных после основного текста. Целеустремленность Вердеревских просматривается через нарочитое упоминание списков документов непосредственно в тексте родословной. В конце росписи о них сказано: «И о том наказы и грамоты великих князей объявлены выше сего в сей росписи и в Розряде ведомость есть»[20]. Грамоты, относящиеся в лучшем случае ко времени внуков Солохмира (XV в.) не имели бы значительного успеха, если бы не ссылка на подтвердительную грамоту 1522 г.[21] Для Вердеревских очевидная удача наличия родовой грамоты начала XVI века («очина Верхдеревская») оттенялась удачей другой: подтвердительная

[17] РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 241а. Л. 167.
[18] См. примечания 13 и 16.
[19] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 160. Л. 6—18; Д. 161. Л. 3—9.
[20] Там же. Д. 160. Л. 5.
[21] Там же. Л. 11.

грамота 1522 г. впервые называет Солохмира в качестве их предка. Вердеревские подчеркивают, что «к тому ж, прародителя нашего, выезду и к прежде бывшим честям <...> есть свидетельство ж и грамоты многия». Однако, эти свидетельства «в сей росписи не написаны и не поданы для того, что положены для сохранения в городех и в монастырех и взять их для скорости не успели»[22]. Вердеревские обещают: «И те грамоты, и каторая есть свидетельство, взяв, подадим в Розряд к сей же росписи»[23]. Со временем массив источников не расширился, а «грамоты многия» свелись для исследователя к чуть-ли не гипотетичной жалованной грамоте великого князя рязанского Олега Солохмиру. Впрочем, «сыскав» именно по «жалованной грамоте великого князя рязанского Ольга и по книгам великих князей рязанских», великий князь Василий Иванович подтвердил в 1522 г. право Вердеревских на их «старую отчину»[24]. Проблема же достоверности сведений жалованной грамоты может быть поставлена отчасти и потому, что усилия Вердеревских по версификации ее утраты сыграли родословной росписи не лучшую службу: возникают многие вопросы, далеко же не на все могут быть найдены ответы.

Жалованная грамота, со слов Вердеревских, находилась у «переясловльского» воеводы Григория Ивановича и сгорела в 1666 г. в Переяславле Южном «как горел от изменников город в ызмену гетмана Брюховецкова; а он, Григорей, в Переясловле умре»[25]. Правда, сначала, по тексту, речь шла лишь о воеводском наказе и грамотах, и только в самом конце росписи Вердеревские объясняют: «А каторая первая грамота дана была прародителю нашему Ивану Мирославичю Салохмиру на выезд ево на вотчины на Верхдерев, на Веневу, на Растовец, на Михайлово Поле, на Безпуцкой стан жалованья великого князя Олга Ивановича Резанского, и та подлинная грамота згорела у Григорья Иванова сына Вердеревского в Переясловле ж, а объявлена в свидетельство при великом князе Василье Ивановиче Московском и всеа Росии в 7030-м (1522 г. — *А. Г.*) году, как дана грамота Василью да семену Федоровым детям Верхдеревским, и в той грамоте о том написано имянно»[26].

Как-то сам собой возникает вопрос: почему «грамоты многия <...> положены для сохранения в городех и в монастырех», а источник, который следовало хранить как зеницу ока, вдруг оказывается в неспокойном

[22] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 160. Л. 5.
[23] Там же.
[24] Там же. Л. 11.
[25] Там же. Л. 3—4.
[26] Там же. Л. 6.

украинском городе? Можно сожалеть по поводу отсутствия копии с древней грамоты, существовавшей еще в 60-е гг. XVII в., но как не упомянуть, что грамоты Солотчинского монастыря, называющие внуков Солохмира, сохранились лишь в копиях начала XVII в.[27]

Впрочем, все это — с одной стороны. С другой же, многие ранние памятники письменности были утрачены именно потому, что не жили в списках. Жалованная грамота Солохмиру действительно могла остаться без копии. Имея юридическую силу в начале XVI в., позже она могла стать историческим памятником рода, необходимым разве что при решении местнических споров. И действительно, будучи источником, хранящимся в роду, грамота могла погибнуть в огне пожара, волею судеб оказавшись жертвой политической чехарды в Малороссии.

Очевидно, что дальнейшее развитие темы времени и места гибели грамоты не вырвало бы ее — эту тему — из тисков гипотезы. К счастью, с высоты проблемы достоверности времени призвания Солохмира названная тема не видится сколько нибудь определяющей.

Едва ли возможно всерьез говорить о качественном влиянии жалованной грамоты на текст родословной росписи 1686 г., памятуя о двадцатилетнем разрыве между утратой первой и составлением последней. Фактически статья рода Солохмира в редакциях второй половины XVI в. уже взяла из грамоты то главное, что отличает ее от статей многих родов и что побуждало краеведов-веневцев скрещивать копья в конце XX в. Конечно, речь идет о земле.

Нельзя назвать характерной деталью родословных статей разных редакций перечисление земельных пожалований основоположнику рода. Но, может быть, это от того, что далеко не каждый выходец из Орды или из «немец» оставлял своим потомкам жалованные грамоты? Перечисление родовых угодий в родословной статье на столько же счастливая случайность, насколько счастливым случаем было сохранение потомками Солохмира его жалованной грамоты. Утраченный в 1666 г. документ сыграл свою роль в XVI в. столь блестательно, что его отсутствие при составлении родословной росписи 1686 г. воспринимается лишь как досадное недоразумение. Все звенья цепи оказались на месте.

А теперь время вспомнить о «1371 годе», до сих пор непонятно откуда свалившемся в родословную роспись XVII века.

---

[27] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 160. Л. 6—10; Акты исторические. СПб., 1841. Т. 1. С. 22, 23; АСЭИ. М., 1964. Т. 3. С. 353—355.

Статья рода Солохмира, лелеевшего мечту попасть в Государев родословец 1555 г., конкретной даты не имеет. Ничего не говорит о времени призвания Солохмира и статья Разрядной редакции (роспись Крюковых конца XVI в.), близкая по духу родословной росписи 1686 г. После уже сказанного трудно, даже гипотетически, обращаться к документу, наделенному магическим свойством нести откровение, но остающемуся в тени. Круг источников определен. Места конкретной дате призвания Солохмира в нем нет.

Ну что ж, пришло время говорить о творческом порыве Вердеревских. Очевидно, дата выбиралась ими под яркое событие из истории Рязани, а летописный свод помог определиться.

Почему же — «1371 год»? В самом конце этого года Олег Рязанский вернул свое княжество, ненадолго завоеванное Владимиром Пронским[28]. Видимо, по мнению Вердеревских, милости, посыпавшиеся на Солохмира, вполне адекватны той роли, которую он мог сыграть в изгнании князя Владимира.

Мы оставляем за рамками избранной темы анализ исторических реалий XIV в. Сколь бы ни была велика вероятность попадания в точку, наиболее ранним упоминанием имени собственного «Венева» остается то, которое имеет безусловную документальную основу.

* * * * *

[28] ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 67 (Новгородская четвертая летопись).